

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

ГАЛИНА, ДИТЯ НОЧІ

Желько Максимович
Галина, Дитя Ночи

«Автор»

2026

Максимович Ж.

Галина, Дитя Ночи / Ж. Максимович — «Автор», 2026

Галина, двадцативосьмилетняя девушка, внезапно умирает и воскресает в новом, нечеловеческом облике. Её обращает в вампира Сергей Львович — древний тример, который становится её сиром и наставником. Новообращённая вынуждена учиться контролировать неутолимый голод, соблюдать строгий Маскарад и выживать в тайном мире московских кланов: вентру, бруха, носферату и анархов. В тексте переплетаются сцены ночной Москвы, ритуалы охоты, внутренние терзания и видения прошлого — от средневековой казни ведьмы Морганы де Ланкрэ до личных воспоминаний Галины о матери и человеческой жизни. Галина проходит путь от пугливого «щенка», едва не убившего первую жертву, до самостоятельной силы, заключающей договор с охотником-одиночкой и приносящей клятву крови своему сиру. Это история о цене бессмертия, хрупкости Маскарада, борьбе с собственной природой и поиске смысла в вечном существовании между тьмой и памятью о человечности.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

Галина, Дитя Ночи

Галина сняла эту квартиру через агента, который не задавал вопросов. Наличные, паспорт со свежей регистрацией, подпись — всё. Никто не спросил, почему она носит солнечные очки в три часа ночи. Никто не заметил, что её отражение в зеркале прихожей замерцало ровно на полсекунды дольше, чем полагается законам оптики.

Сретенка спала тяжёлым городским сном. За окном — светофоры, мигающие жёлтым, редкие машины, бомж, роющийся в баках у Пятёрочки. Галина стояла у подоконника и чувствовала каждую вибрацию города: электричку на Ярославском вокзале за четыре километра, мышиный писк в подвале, сердцебиение бомжа — жидкое, алкогольное, ненадёжное.

Она могла бы спуститься и взять его. Он бы не сопротивлялся. Он бы даже не запомнил. Но Сергей Львович сказал: не начинай с отбросов. Отбросы пахнут болезнью и безнадёгой. Это как запивать яд прокисшим молоком. Ты отравишь свою вторую жизнь, даже не успев её распробовать.

— Откуда ты знаешь? — спросила она тогда.

— Я пробовал, — ответил он.

Два дня назад. Машина. Ночь.

Сергей Львович вёз её за город. На заднем сиденье его Ауди пахло кожей и лавандой — он сказал, что лаванда успокаивает рецепторы. Галина сидела сзади, как ребёнок, хотя ей было двадцать восемь. Она смотрела в затемнённое стекло и видела только своё отражение.

Нет. Не своё. Чужое.

Она видела женщину с белыми, как рыба чешуя, волосами и глазами, в которых радужка расплзлась, залив белок серым. Это не было зеркалом — это было стекло. Стекло не врало. Стекло просто показывало то, что есть.

— Я похожа на труп, — сказала она.

— Ты и есть труп, — спокойно ответил Сергей Львович, не оборачиваясь. — С юридической точки зрения. Твоё сердце не бьётся. Твои лёгкие не дышат. Твой мозг не потребляет кислород. Зато он потребляет кое-что другое.

— Что?

— Жизненную силу. На санскрите это называют прана. В китайской традиции — ци. В нашей — просто кровь, хотя это неточное слово. Кровь — только носитель. Как бензин. Важно то, что горит.

— Философия, — Галина усмехнулась. У неё не получилось. Губы двигались как-то отдельно от лица.

— Биология, — поправил он. — Только биология, которую люди пока не открыли. Ты теперь — хищник. Ты стоишь на вершине пищевой цепочки, но эта вершина — очень, очень одинокое место. Ты не можешь рассказать никому, кто ты. Ты не можешь попросить помощи. Ты не можешь вернуться.

— А если я не хочу?

Он замолчал. Дорога уходила в лес. Фары выхватывали стволы сосен — тонкие, прямые, похожие на решётку.

— Ты уже не хочешь, — сказал он наконец. — Ты просто ещё не знаешь этого. Желание умирает последним. Примерно через неделю у тебя начнётся жажда. Настоящая. Не та, что ты чувствуешь сейчас — щекотка в горле, лёгкое головокружение. Нет. Это будет, как если бы ты не пила сорок дней и тебе поднесли бы стакан воды, а потом отняли. И так — каждую ночь. Всю оставшуюся бесконечность.

— Ты меня пугаешь.

— Я тебя готовлю. Это разные вещи.

Он свернул на грунтовку. Ауди мягко покачивалась на ухабах. Через пять минут они остановились у старой усадьбы — деревянный дом с мезонином, тёмные окна, заросший палисадник.

— Выходи, — сказал Сергей Львович. — Здесь ты будешь учиться охотиться.

В ту же ночь. Усадьба. Подвал.

Подвал пах землёй и чем-то сладковатым — Галина не могла определить, чем именно. Сергей Львович включил свет: голые лампочки Ильича, свисающие с потолка на скрученных проводах. Посередине стоял деревянный стул, а на стуле — мужчина. Привязанный. С кляпом во рту.

Он был немолод, лет пятидесяти, с мясистым лицом и красным носом. Пахло от него перегаром и потом. Галина почувствовала запах его крови — густой, тёмной, отравленной алкоголем, но живой. Такой живой, что у неё подкосились ноги.

— Ч-что это? — прошептала она.

— Учебное пособие, — Сергей Львович обошёл стул кругом. — Не волнуйся. Он должен был сесть за пьяную езду и уйти по знакомству. Я просто восстановил справедливость. Он проведёт здесь ночь, а утром ничего не вспомнит. Или вспомнит, но ему никто не поверит. Пьяницам вообще никто не верит.

Мужчина замычал, забился. Верёвки врезались в запястья.

— Я не буду, — сказала Галина.

— Будешь.

— Я не буду пить из человека.

— Ты уже не человек, — напомнил он. — И тебе нужно понять свои пределы. Прямо сейчас ты чувствуешь его кровь, как горячий чай в холодную погоду. Ты хочешь. Ты умираешь от желания. Это не стыдно. Это инстинкт. Вопрос не в том, хочешь ли ты — вопрос в том, сможешь ли ты остановиться.

Он достал из кармана пиджака скальпель в стерильной упаковке, вскрыл её, протянул Галине.

— Надрежь. Только попробуй. Один глоток. И остановись.

Галина смотрела на скальпель. Лезвие блестело под жёлтым светом. Она слышала сердце мужчины — оно колотилось как бешеное. Она слышала, как кровь бежит по его сонной артерии — шум прибоя, только глубже, только древнее.

— Если я не смогу остановиться?

— Тогда я пойму, что ошибся в тебе, — сказал Сергей Львович. — И мне придётся тебя убить.

Она взяла скальпель.

Она подошла к мужчине.

Она зажмурилась и полоснула по его предплечью, там, где кожа тоньше всего.

Кровь выступила тёмной вишнёвой каплей. Потом ещё одной. Потом — ручейком.

Галина наклонилась.

Она лизнула.

Вкус был как разряд молнии: гром, свет, жар, расплавленный металл и мёд, и горечь, и солёная карамель, и что-то такое, чего не существует на языке живых. Мир схлопнулся в одну точку. Всё, что было до — детство, мать, школа, институт, первая любовь, разрыв, работа в хосписе, смерть пациентов, усталость, бессонница, — всё это стало плоским, нарисованным на картоне. А кровь была настоящей. Кровь была единственной вещью, которая имела значение.

Она присосалась к порезу. Она пила. Она не могла остановиться.

— Галина.

Голос Сергея Львовича доносился откуда-то издалека, из другого мира. Она не слышала. Она слышала только пульс мужчины — быстрее, быстрее, а теперь медленнее, слабее, будто кто-то выкручивал громкость.

— Галина.

Её оторвали. Сильные пальцы сомкнулись на её затылке и оттащили назад. Она упала на пол, выгнулась дугой, зашипела — и услышала собственный шипящий звук как будто со стороны. Слюна смешалась с кровью, стекала по подбородку.

Мужчина на стуле обмяк. Его лицо стало серым. Пульс — редкий, нитевидный.

— Ты почти убила его, — сказал Сергей Львович. Он стоял над ней, и в его глазах не было гнева. Только усталость. Только разочарование. — Твой первый глоток. И ты потеряла контроль за три секунды.

— Я... — Галина попыталась встать. Руки дрожали. — Я не...

— Ты щенок. Это нормально. Но щенки, которые не учатся, вырастают в бешеных псов. А бешеных псов усыпляют.

Он достал из кармана фляжку, протянул ей. Галина понюхала — кровь. Чистая. Без примеси алкоголя. Чья-то ещё.

— Пей, — сказал он. — Восстановишь силы. А завтра мы начинаем сначала.

Четыре часа назад. Ещё одна квартира. Ещё одно начало.

Галина стояла на кухне и смотрела на кефир в холодильнике. Бутылка простояла там шесть дней. Она открыла её, понюхала — запах показался ей запахом прокисшего молока пополам с формалином. Она вылила в раковину. Белая жидкость закружилась в водовороте и исчезла.

— Ритуал человечности, — сказала она вслух. Голос звучал сухо, как шелест бумаги.

Она перестала притворяться.

Сейчас. Ночь. Улица.

Галина шла по Сретенке в сторону Чистых прудов. Ноги несли её сами. Она не выбирала маршрут — тело уже знало, куда идти, быстрее, чем сознание. Всё, что происходило, было как во сне: она наблюдала за собой со стороны, чуть позади и чуть сверху.

Шаги. Асфальт. Фонари.

Запахи.

Бензин. Выпечка из круглосуточной пекарни. Души проходящей женщины — Шанель №5, дешёвая подделка. Пот. Собачья шерсть. И над всем этим — пульсирующий, невыносимый, прекрасный запах крови. Она чувствовала его от каждого прохожего, как цветные шлейфы: у кого-то тёплый, медовый, у кого-то кислый, отравленный стрессом и кофеином, у детей — сладкий, как клубничное варенье.

Галина зажмурилась и свернула в арку.

Двор-колодец. Чёрные окна. Ржавые качели. На скамейке сидел парень — лет двадцати, в наушниках, качал головой в такт невидимой музыке. Он не видел её. Он смотрел в телефон, листал ленту Инстаграма.

Она могла бы подойти. Сесть рядом. Сказать: Привет, дашь закурить? Он бы поднял голову, улыбнулся, полез в карман за пачкой. И она бы — нет. Не надо.

Не думай об этом.

Не думай.

Он хрупкий сосуд.

Хрупкий, редкий, не возобновляемый.

Сергей Львович заставлял её повторять эту фразу каждую ночь перед выходом. Сто раз подряд. Как мантру. Как молитву. Сосуды, не еда. Сосуды, не еда. Сосуды, не еда.

Она развернулась и пошла обратно.

Парень даже не поднял головы.

В подъезде. Десять минут спустя.

Лифт не работал. Пришлось подниматься пешком на пятый этаж. Галина шла медленно, ощущая каждый шаг. Кости ныли. Не так, как у живых — ноющая боль в суставах после долгой прогулки, — а по-другому. Глубоко. Как будто скелет пытался вылезти наружу и не мог.

Она остановилась на третьем этаже. Из-за двери квартиры №17 доносились голоса. Телевизор. Женщина смеялась. Мужчина что-то говорил, перекрывая звук заставки ток-шоу.

Галина прижалась лбом к холодной двери.

Она слышала их. Отчётливо. Телевизор: И тогда она сказала ему: ты не мужик! Ха-ха-ха! Женщина: Ну надо же, какой идиот. Мужчина: А я тебе говорил. И поверх всего — два сердца. Ритм. Ток. Жизнь.

Галина сглотнула.

В горле пересохло. Она чувствовала жажду — не как желание, а как физическую боль. Сухость начиналась в корне языка и расплзалась вниз, по пищеводу, в желудок, в пустоту, где раньше плескалась жизнь. Ей казалось, что, если она не выпьет — рассыплется в пыль. Прямо здесь, на лестничной клетке, превратится в горку пепла, и утренний дворник сметёт её в совок.

Она подняла руку, чтобы постучать.

Остановилась.

Сосуды, не еда.

Сосуды, не еда.

Сосуды...

— Да кого я обманываю, — прошептала она.

Развернулась и побежала вверх.

Запасной ключ. Квартира. Холодильник.

В холодильнике, за банками с просроченным майонезом и засохшим сыром, стояла стеклянная банка. Галина достала её. Внутри — пол-литра тёмной, густой жидкости.

Кровь.

Сергей Львович оставил запас. На случай, если сорвёшься — пей это. Не людей. Это донорская, проверенная. Без гепатита, без ВИЧ, без сюрпризов.

Галина открутила крышку и сделала глоток.

Тёплая. Металлическая. Мёртвая.

Вкус был как отражение вкуса — пустой, плоский, как старая фотография вместо живого лица. Она пила, потому что должна была. Потому что без этого рассыплется в пыль. Но удовольствия не было. Только утоление голода. Только выживание.

Она поставила банку обратно, закрыла холодильник и села на пол, прислонившись спиной к кухонному гарнитуру.

— Я монстр, — сказала она вслух.

Никто не ответил.

Четыре дня назад. В машине по дороге обратно в Москву.

— Ты знаешь, сколько тебе лет? — спросил Сергей Львович.

— Двадцать восемь.

— Нет. Твоему телу — двадцать восемь. Твоей второй жизни — четыре дня. Для нас возраст отсчитывается не от рождения, а от Смерти. Первая смерть — это день, когда ты перестаёшь быть человеком.

Галина смотрела в окно. Лес кончился, начались бетонные коробки спальных районов. Серые панельные дома тянулись вдоль трассы, как надгробья.

— Сколько лет тебе? — спросила она.

— Сто сорок семь.

— Твою мать.

— Это не так много, — он пожал плечами. — Моему наставнику было за пятьсот. Он говорил, что я ещё младенец. И он был прав. Чем дольше ты живёшь, тем больше понимаешь, как мало ты знаешь. Старость для нас — это не дряхлость тела. Это накопление тишины. Когда ты проживёшь сто лет, ты перестанешь удивляться. Через двести — перестанешь желать. Через пятьсот — перестанешь чувствовать что-либо, кроме долга.

— И ты хочешь такой жизни?

— Я не хочу. Я её имею. Это разные вещи.

Той же ночью. Квартира Галины. Бессонница.

Солнце взошло в 6:43. Галина знала это, потому что видела время на экране телефона, хотя шторы были задёрнуты. Свет не проникал в комнату — она специально обклеила окна чёрной плёнкой, той, что продаётся для тонировки машин. Но она знала, что солнце уже там, за окном. Чувствовала, как атмосферное давление меняется, как температура ползёт вверх, как город просыпается.

Она лежала в кровати и не могла уснуть.

Не могла — потому что не хотела спать. Сон больше не приходил. Она закрывала глаза, и вместо сновидений перед ней возникали обрывки памяти — не её. Чужие воспоминания.

Кто-то варил кофе. Анна? Света? Женщина с Чистых прудов, мимо которой она прошла вчера? Нет, я не пила её кровь. Почему я вижу её кофе?

На кухне ссорились муж и жена. Их голоса были громкими, как будто они стояли рядом. Галина знала, что они живут этажом ниже. Но слышала каждое слово.

— Ты опять забыл вынести мусор!

— Заткнись, у меня голова болит.

— У тебя всегда голова болит!

Хлопок двери.

Галина прижала подушку к лицу. Подушка пахла её собственным запахом — сладковатым, землистым, нечеловеческим. Раньше она пахла кондиционером для белья и духами. Теперь — прелой листвой и металлом.

Я хочу быть человеком, подумала она.

Но где-то глубоко внутри, в той части, что уже не принадлежала ей, другая мысль — острая, как скальпель: Нет, не хочешь.

Эпизод — Шестая ночь.

Прошло ещё два дня.

Галина перестала считать. Время текло иначе — не линейно, а слоями. События накладывались друг на друга, будто плёнка в старом проекторе заедала, и кадры наползали на предыдущие, не успевая закончиться.

Она помнила, как стояла у окна и смотрела на закат — не видя его, но чувствуя, как солнечный свет заливает город, как он поднимается по стенам, как лижется в стёкла, пытаясь пробраться внутрь. И одновременно с этим она помнила, как сидела в метро, на кольцевой линии, и считала вагоны.

Почему она считала вагоны? Она не знала.

Память становилась странной. Всё, что случилось до Смерти, — тускло. Она уже с трудом вспоминала лицо матери. Голос отца. Имя своей первой собаки. Словно эти воспоминания были не её, а взяты напрокат, и срок аренды истёк.

Зато она помнила каждый запах за последние шесть ночей. Каждый звук. Каждое сердцебиение, которое слышала.

Галина сидела на кухне и смотрела на пустую бутылку из-под кефира. Она не выбросила её — зачем-то оставила. Как артефакт прошлой жизни.

Пальцы гладили стекло.

— Ритуал человечности, — прошептала она. — Ты просто купила кефир.

Бутылка молчала.

В подземном переходе. Час ночи.

Галина спустилась в переход у метро Сухаревская. Там всегда пахло мочой и жареными семечками. По стенам — граффити, объявления о пропаже кошек, реклама гадалки. В углу спал бомж, укрывшись картонкой. Рядом с ним сидела собака — худая, чёрная, с бельмом на глазу.

Собака подняла голову, когда Галина подошла. Она не зарычала. Наоборот — прижала уши, заскулила и попятилась, вжимаясь в стену.

— Тише, — сказала Галина. — Я не трону.

Собака дрожала.

Животные чувствовали. Люди — нет. Люди смотрели сквозь неё, как сквозь витрину. Думали: странная девушка, бледная, наверное, больная, — и отводили взгляд. Собаки видели хищника. Люди разучились видеть.

Галина достала из кармана пакетик с кровью — запасной, на всякий случай — и протянула бомжу.

— На, выпей.

Бомж не проснулся. Он был в глубоком алкогольном забытии. Галина положила пакетик рядом и ушла.

Собака выла ей вслед.

В ту же ночь. Крыша. Чистые пруды.

Галина забралась на крышу двадцатизатжки. Не по лестнице — по стене. Это было легко: пальцы сами находили опору, тело двигалось без усилий, как вода, как дым. Она не думала о гравитации. Гравитация была для живых.

С крыши Москва была прекрасна. Тысячи огней, переплетение дорог, шпили высоток, купола церквей. Огни города дышали, пульсировали в такт невидимому ритму. Галина стояла на краю и смотрела вниз.

Двадцать этажей. Достаточно, чтобы разбиться насмерть.

Для человека.

Она шагнула вперёд.

Тело перевернулось в воздухе — само, без её участия. Она приземлилась на ноги, как кошка, даже не согнув коленей. Асфальт треснул под пятками.

Галина выпрямилась.

— Чёрт, — сказала она.

Рядом стояла женщина с собакой. Маленькая болонка на поводке. Женщина смотрела на Галину, раскрыв рот. Болонка заливалась лаем.

— Вы... вы... — заикаясь, проговорила женщина.

Галина улыбнулась. Она знала, как выглядит её улыбка: клыки, восковые губы, глаза без белков.

— Спокойной ночи, — сказала она и пошла прочь.

Женщина заплачет, подумала Галина. Потом решит, что ей показалось. К утру убедит себя, что это был оптический обман или галлюцинация от недосыпа.

Люди так хорошо умели не замечать чудес. И чудовищ.

Эпизод — Седьмая ночь. Рассвет.

Сергей Львович позвонил ровно в три.

— Как ты?

— Жива, — сказала Галина. И поправилась: — В смысле, существует.

— Есть разница?

— Огромная.

В трубке послышался смех — сухой, каркающий, как ворона.

— Ты начинаешь понимать. Это хорошо. Когда перестанешь путать жизнь и существование — станешь взрослой. По нашим меркам.

Галина сидела на подоконнике, смотрела в потолок. Чёрная плёнка на окнах чуть провисла по краям — надо было переклеить.

— Я чуть не убила человека сегодня, — сказала она.

— Ты уже чуть не убила человека четыре дня назад. Это прогресс — ты говоришь об этом спокойно.

— Я не хочу быть монстром.

— Ты не монстр, — сказал он. — Монстры не рефлексируют. Монстры не спрашивают себя, кто они. Монстры просто охотятся, едят, спят и размножаются. Ты задаёшь вопросы. Значит, ты человек. Просто человек, которому приходится пить кровь, чтобы не рассыпаться в пыль.

— Это не делает меня человеком.

— Делает, — сказал он. — Потому что ты всё ещё хочешь им быть. Пока ты хочешь — ты не потеряна. Когда перестанешь — тогда приходи ко мне, я покажу тебе, что такое настоящий монстр.

Он повесил трубку.

Галина посидела ещё минуту. Потом встала, подошла к зеркалу в прихожей — маленькому, в пластиковой раме, оставленному предыдущими жильцами — и посмотрела на пустоту.

— Кефир, — сказала она пустоте.

Пустота не ответила.

Галина улыбнулась. Клыки блеснули в темноте.

— Ритуал, — прошептала она. — Я просто купила кефир.

Она засмеялась. Смех был сухим, как шелест крыльев.

Днём позже. Полдень. Пленка дала трещину.

Галина проснулась — если это можно было назвать сном — от жгучей боли. Солнечный свет пробился сквозь щель между плёнкой и оконной рамой. Тонкий луч упал на её руку, и кожа зашипела, как мокрое мясо на сковородке.

Она отдёрнула руку. Запахло горелым.

— Чёрт, — прошипела она, зализывая ожог. Слюна имела странное свойство: рана затянулась на глазах. Через три секунды от ожога не осталось и следа.

Она заклеила щель скотчем и ещё раз проверила все края. Солнце больше не проникало внутрь.

Но Галина смотрела на плёнку и чувствовала свет с той стороны. Он не обжигал — просто присутствовал. Как напоминание. Как граница.

Галина обвела пальцем контур окна.

— Я здесь, — сказала она. — А ты там.

Солнце не ответило.

В библиотеке. Ночь.

Галина пришла в библиотеку имени Ленина. Не за книгами — за тишиной. Ей нужно было место, где не пахнет людьми. В библиотеке пахло бумагой, пылью, старой кожей переплётов и — почти никаких людей. Только гардеробщица и пара студентов на третьем этаже, уснувших над учебниками.

Галина села в читальном зале, за самым дальним столом, и смотрела на стеллажи.

Здесь было хорошо. Тишина давила на уши — не враждебно, а успокаивающе. Как одеяло.

Она взяла с полки книгу наугад. Набоков. Дар.

Открыла на середине.

Прощай же, книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, — но удаляется поэт. И всё же слух не может сразу расстаться с музыкой...

Галина читала и чувствовала, как слова отзываются где-то внутри — там, где больше не билось сердце. Она не знала, что это: остаток человеческого, или новая способность чувствовать красоту иначе — не сердцем, а пустотой, которую раньше занимала душа.

Она закрыла книгу и прижала её к груди.

— Спасибо, — сказала она Набокову. Он не ответил. Но книга пахла чернилами и временем.

Перед рассветом. Квартира. Финал эпизода.

Галина сидела на полу в гостиной. Вокруг неё — пустая комната. Ни мебели, ни вещей. Она не стала обставлять квартиру. Зачем? Вещи напоминали о прошлой жизни, а прошлая жизнь утекала с каждым глотком донорской крови.

Она смотрела на свои руки.

Кожа была почти прозрачной. Сквозь неё проступали вены — чёрные, как трещины во льду. Внутри неё текла не кровь, а что-то другое. Тёмное. Тягучее. Живое.

— Я — тьма, — сказала она.

Слово упало в пустоту и не разбилось.

Она поднялась, подошла к окну, отодвинула плёнку на палец и выглянула наружу. Небо начинало светлеть. На горизонте — розовая полоска. Скоро взойдёт солнце.

Галина долго смотрела на этот свет.

Потом отдернула штору и ушла в глубину квартиры, туда, где солнце не могло её достать.

Дом для младенцев. Основание — Смерть. Возраст — девять дней.

Через три дня она перестала покупать кефир.

Глава 2: Излом

Шестая ночь. После полуночи. Луна в перигее.

Сон пришёл не как отдых, а как вторжение.

Галина лежала на узкой койке в комнате, которую снимала вторую неделю, — серый Чертаново, дом без лифта, окна во двор, где по утрам орут пьяные. Она не выбирала это место. Оно просто случилось, как всё в её жизни случилось в последнее время: без плана, без желания, по инерции падающего тела.

Она не спала пять суток. Точнее — пять ночей. Днём она могла задремать на час-другой, сидя в кресле, прислонившись виском к холодной стене, но стоило солнцу сесть, как в ней что-то включалось. Тело наливалось током. Глаза открывались сами. Она слышала, как за стеной

кашляет сосед, как в подъезде хлопает дверь, как за три квартала воет собака — не натужно, а тонко, по-щенячьи, словно ей снился кошмар.

Она не хотела спать. Она боялась спать.

Но тело предало её.

1. Первое падение

Сон навалился внезапно, без предупреждения, как на землю — туман с реки. Она ещё силилась удержать реальность: трещину на потолке, жёлтое пятно уличного фонаря на стене, собственные пальцы, сжимающие край одеяла. А через мгновение её уже не было в комнате.

Чувство падения — не вниз, а вбок, сквозь что-то вязкое и горячее, как застывающая смола. Запах дыма и сырой шерсти. Звук: треск факелов, влажный, чавкающий, будто огонь жевал самоё себя.

Она не открывала глаза — они уже были открыты. Только смотрели не её зрением.

Средневековый город. Галина не знала, какой именно: она не была ни историком, ни археологом — девятнадцать лет, недоучка, бросила колледж на втором курсе, работала курьером, пока не случилось то. Но она знала: это Франция. Четырнадцатый век. Юг. Отёкшее от жары небо, в котором даже звёзды казались потными.

Площадь перед собором. Булыжник мокрый, хотя дождя не было. Факелы на железных рогатинах — их пламя не столько освещало, сколько обозначало тьму, делало её гуще по краям. В центре стоял столб. Не новый — на чёрном дереве виднелись подпалины, старые, наслонившиеся, как корка на ране. Этим столбом пользовались не раз.

К столбу была привязана женщина.

Вот тут Галина попыталась проснуться. У неё не получилось.

Тело во сне было чужим и в то же время странно знакомым — как одежда, снятая с вешалки в чужом доме, но подошедшая по фигуре идеально, до последнего шва. Она стояла в первом ряду толпы. Она не была собой — она была кем-то, кто стоял здесь шестьсот лет назад и смотрел на казнь. Но видела она глазами не наблюдателя. Она видела глазами приговорённой.

2. Пламя и гимн

Женщина на столбе была молода — на вид лет двадцать пять — тридцать. Трудно сказать точнее: голод, болезни, платья из грубого сукна старили быстро, а костёр старит мгновенно. Лицо у неё было обычное, некрасивое: широкие скулы, тонкие губы, глубоко посаженные глаза. Крестьянка. Может, дочь мельника. Может — вдова солдата.

Только глаза горели красным.

Не налиты кровью, не воспалены — именно горели, мягким, тёплым алым светом, будто кто-то зажёл внутри её черепа маленькую лампу. Толпа шарахалась каждый раз, когда она под-

нимала взгляд. Дети прятались за юбки матерей. Кто-то крестился. Кто-то плевал в её сторону, но плевики не долетали — высыхали на лету, и Галина чувствовала это, чувствовала, как воздух вокруг женщины был горячим и сухим, как в печи.

— Еретичка! — заорал кто-то слева, и крик подхватили десятки глоток, перекаывая слово, как камень по склону. — Ведьма! Дьявольское отродье! Кровопийца!

Палач — мужчина в кожаном фартуке, с лицом, стёртым до выражения профессионального безразличия — подошёл к столбу. В руке у него был факел. Он что-то сказал женщине, тихо, почти по-отечески. Галина не расслышала слов, но видела, как женщина склонила голову, будто принимая причастие.

Палач поднёс огонь к соломе у её ног.

Пламя побежало вверх по юбке — быстро, жадно, с весёлым треском. Женщина должна была закричать. Она открыла рот.

И запела.

Голос был высоким и чистым — нечеловечески чистым, как стекло, как лёд. Мелодия не имела слов, или слова были на языке, который Галина не могла распознать: не латынь, не старофранцузский, не провансаль. Что-то древнее. Что-то, что пели ещё до того, как построили этот собор, до того, как этот город стал городом, может быть — до того, как люди пришли в эти земли.

Толпа отшатнулась.

Кто-то выронил факел. Кто-то упал на колени и начал молиться. Кто-то побежал — сапоги застучали по булыжнику, и звук этот был похож на град. Женщина пела, а пламя лизало её бёдра, живот, грудь. Кожа лопалась. Волосы вспыхнули, как сухая трава. Она всё пела.

И тогда она повернула голову и посмотрела прямо на Галину.

3. Диалог через огонь

Это не было узнаванием — это было узнавание. Не та, что смотрит, узнаёт ту, на кого смотрят. Скорее наоборот.

Глаза женщины — Галина видела их сквозь пламя, сквозь шестьсот лет, сквозь ткань сна, которая вдруг стала тоньше папиросной бумаги — были спокойны. В них не было боли. Не было страха. Была только тихая, усталая нежность, как у матери, которая смотрит на спящего ребёнка и знает, что завтра ей придётся его разбудить.

— Запомни, дитя, — сказала женщина.

Голос звучал не снаружи. Он звучал внутри Галины, как второй пульс, как кровь, текущая в обратную сторону.

— Они всегда сожгут то, чего не понимают. Маскарад — это не закон. Это броня.

Галина пыталась закричать. Пыталась сказать: кто ты? откуда ты знаешь меня? почему я это вижу? Но сон держал её горло сжатым, как рука палача — та самая рука, что сейчас сжимала факел, дожигающий женщину.

— Ты не первая, — продолжила женщина, и пламя уже лизало её подбородок, но голос оставался ровным, почти будничным. — Ты не последняя. Но ты — та, кто запомнит. Расскажи им. Расскажи всем, кто придёт после. Нас сжигали не за то, что мы делали. Нас сжигали за то, чем мы были. И будут сжигать, пока мы не перестанем бояться своей собственной природы.

Пламя сомкнулось над её лицом.

Мгновение — и Галина утонула в белом свете, в котором не было ни боли, ни звука, только гудение, как от ветра в проводах, и запах — сладковатый, тошнотворный — палёной плоти.

4. Пробуждение (ложное)

Она открыла глаза.

Сначала ей показалось, что она всё ещё спит: лунный свет — слишком яркий, густой, как молоко — заливал комнату, делая её нереальной, акварельной. На стене дрожала тень дерева за окном, но дерева там не было. Галина моргнула — тень исчезла.

Она села на кровати. Сердце колотилось где-то в горле, толчками, которые она чувствовала зубами. Ладони горели.

Она посмотрела на запястья.

На коже — там, где женщина была привязана верёвками — вздулись красные полосы. Не рубцы. Не сыпь. Чёткие, ровные линии, будто кто-то плотно затянул невидимые путы несколько минут назад и только что снял. Кожа вокруг них была тёплой на ощупь, почти горячей.

— Нет, — сказала Галина вслух. — Нет, этого не может быть.

Она потёрла запястья. Полосы не побледнели. Они, наоборот, стали ярче, словно она не стирала их, а натирала.

Она встала, подошла к окну. Луна висела низко, как фонарь на столбе — огромная, неестественно оранжевая, в рыжих разводах, будто больная. Астрономы называют это кровавой луной. Полное лунное затмение. Галина не знала, что сегодня затмение. Она вообще перестала следить за календарём после того, как дни потеряли значение, а часы — длину.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Стекло запотело от её дыхания — и она отшатнулась, потому что на запотевшей поверхности проступили слова. Буквы. Знаки, которые она никогда не учила, но вдруг поняла:

Souviens-toi de moi

— Помни меня, — прошептала Галина.

Стекло было чистым. Слова исчезли. Или их никогда не было.

5. Интерлюдия: история, которой не учат в школе

В то же самое утро, за восемьсот километров к западу, в архиве библиотеки Ватикана, хранитель манускриптов брат Джузеппе нашёл документ, которого, по всем каталогам, не существовало.

Это был пергамент, вшитый в обложку другой книги — Трактата о природе демонов доминиканца Антонио де Вероны, 1347 года издания. Пергамент был старше книги — датировка углеродным методом, проведённая двадцать лет назад, определила его возраст как конец двенадцатого века. Но брат Джузеппе не знал этого. Он просто заметил, что обложка топорщится, и вскрыл её ножом для бумаги.

Внутри лежал лист, исписанный убогим, почти микроскопическим почерком — женщина, определил он сразу (характерный наклон, округлость букв, отсутствие твёрдой мужской руки). Текст был на латыни, но с вкраплениями слов на языке, которого брат Джузеппе не узнал. Он разобрал только начало:

Я, Моргана де Ланкрэ, по прозвищу Эш (Пепел), записываю это в год Господень 1190-й от Рождества Христова, в ночь перед тем, как меня сожгут на площади города Каркассона, дабы те, кто придёт после, знали правду о нас, коих называют кровопийцами и детьми тьмы...

Брат Джузеппе перекрестился и закрыл книгу. Он не стал читать дальше. Он позвонил префекту архива и сказал, что нашёл нечто, что, вероятно, следует передать в отдел редких ересей.

Он не знал, что той же ночью — за несколько часов до того, как Галина увидела сон — в Каркассоне, в старом городе, в музее инквизиции, у витрины с подлинными цепями тринадцатого века разбилось стекло. Само собой. Цепи исчезли.

Камеры зафиксировали вспышку света и звук — похожий на пение.

6. Тело помнит

Галина стояла в ванной, разглядывая своё лицо в зеркале.

Она делала так каждую ночь после того, как с ней случилось это. Не из тщеславия. Она проверяла, осталась ли она человеком.

Зеркало не врало: оттуда смотрела обычная девушка — усталая, бледная, с тёмными кругами под глазами размером с чайные ложки. Ничего не изменилось. Глаза — карие, обычные. Никакого красного свечения. Зубы — свои, ровные, без клыков. Кожа — холодная, но она была холодной и раньше, с детства, врачи говорили — вегетососудистая дистония.

Но она не видела своего отражения в зеркале на лестничной клетке третьего дня.

Она вышла из квартиры вынести мусор, глянула мельком в большое зеркало в раме — и не увидела себя. Там была пустота. Лестница, перила, дверь соседней квартиры, грязный половик — всё отражалось. Её не было.

Она моргнула, шагнула ближе — и увидела себя. Испуганную, растерянную. Показалось, — сказала она тогда вслух.

Она не показалась.

Что-то происходило с ней по ночам. Что-то, что она не могла объяснить, не могла контролировать, не могла остановить. И сны — эти сны — были частью этого. Она чувствовала это так же ясно, как чувствовала голод. Новый голод, которого раньше не было. Голод не на еду.

Она не ела мяса четыре дня. Пробовала — вчера купила бургер в круглосуточном ларьке, откусила, и её вырвало. Горячее мясо казалось ей... неправильным. Мёртвым в том смысле, в каком мёртвое должно быть похоронено, а не съедено. Зато она поймала себя на том, что подолгу смотрит на шеи прохожих. Не с вожделением, нет. С любопытством. Как смотрят на механизм, чью работу хотят понять. Под кожей — синие жилы. Пульс. Движение крови.

Она хотела понять это.

И это пугало её больше всего.

7. Вторая память

Она не легла обратно. Сна не было — после видения наступила та особенная пустота, когда тело спит, а разум остаётся на поверхности, как масло на воде. Она сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела, как луна медленно выходит из тени, наливаясь обратно белым.

Вспоминала.

Женщину на столбе звали Моргана. Галина не знала, откуда она это знает — во сне имя не прозвучало. Но она знала. Как знала старофранцузские слова, которые понимала во сне. Как знала, что та песня была гимном. Как знала, что Моргана жгла не за колдовство. За то, что она была тем, чем Галина, возможно, становилась сейчас.

Вампир.

Она ненавидела это слово. Оно было глупым, книжным, пахло дешёвыми ужастиками и готической романтикой, которую она переросла лет в пятнадцать. Вампиры не существовали. Вампиры были метафорой — классового угнетения, сексуальной свободы, страха перед смертью. Она сдавала экзамен по культурологии на эту тему. Получила пятёрку.

Но метафоры не пьют кровь.

Метафоры не заставляют тебя видеть сны семисотлетней давности, после которых на запястьях остаются следы верёвок.

8. Расщепление

В эпоху Возрождения врачи называли это *morbus imaginative* — болезнью воображения. Считалось, что чрезмерно живое воображение может порождать физические симптомы: стигматы, язвы, слепоту. Церковь спорила — одни говорили, что это чудо, другие — что одержимость.

Современная наука называет это психосоматикой. Сила внушения. Вера тела в реальность того, чего не было.

Но наука не может объяснить, почему у Галины, которая никогда не была в Европе, не изучала историю и не интересовалась средневековьем, после пробуждения появилось чёткое знание: площадь называлась Плас-де-ла-Републик, но в четырнадцатом веке она называлась Плас-де-ла-Круа, Площадь Креста. Собор — Сен-Назер. Столб стоял там, где сейчас находится фонтан с дельфином. Она могла нарисовать план этого места по памяти — с точностью до расположения сточных канав.

Она не знала, откуда это знание.

Но оно было. И оно росло.

9. Проклятие как наследство

Галина думала о проклятии.

Не в религиозном смысле — она не верила в бога, по крайней мере в того, которого ей предлагали. Она думала о проклятии как о биологической программе. Как о гене. Как о ВИЧ — вирусе, который встраивается в ДНК и остаётся там навсегда, меняя хозяина.

Что, если вампиризм — не магия, не колдовство, а состояние? Что-то, что передаётся не через укус, а через кровь, как гепатит? Что-то, что живёт в теле, ждёт, мутирует, проявляется не у всех — и по-разному у каждого?

Она вспомнила женщину в огне. Моргана не боялась. Моргана знала, что происходит с ней, и приняла это. Она не сопротивлялась своей природе — она сопротивлялась только людям, которые хотели её за неё убить.

Маскарад — это не закон. Это броня.

Галина поняла это только сейчас. Моргана не просила её скрывать свою сущность из страха. Она просила её скрывать её из стратегии. Потому что мир не готов. Потому что мир всегда сжигает то, чего не понимает. И если ты не хочешь сгореть — ты носишь маску. Не ради стыда. Ради выживания.

— Но я не знаю, кто я, — прошептала Галина в пустоту комнаты. — Я не знаю, во что я превращаюсь.

В зеркале, висящем на стене напротив, её отражение моргнуло.

Она не моргала.

10. Узел

Наутро — если серое небо за окном можно было назвать утром — Галина нашла на своём столе лист бумаги. Она не помнила, чтобы клала его туда. На листе было написано её почерком, но каллиграфическим, старинным, с завитушками и удлинёнными хвостами букв:

Шато-д'О, долина Од. Каркассон. Под алтарём. Рукопись. Твоя кровь откроет.

Она сожгла лист над раковиной, не читая второй раз, и смыла пепел водой.

Но адрес запомнила.

Она не знала, поедет ли. Не знала, что найдёт. Не знала, есть ли у неё вообще выбор. Но одно она знала точно: женщина в огне не закончила свой рассказ. И Галина должна была услышать его до конца, даже если для этого ей придётся сгореть самой.

Продолжение следует.

Дата написания фрагмента: 7 июля 2026 года, 03:14.

Источник: личный дневник пациентки Г. (№4471-Б), предоставленный в рамках исследования феномена вторичной генетической памяти.

Содержание записи совпадает с текстом документа, найденного 7 июля 2026 года в архиве Каркассона, в тайнике под алтарём базилики Сен-Назер.

Подпись пациента в дневнике отсутствует. Последняя запись — см. ниже.

Приписка от 9 июля 2026 года, почерк медицинского регистратора: Г. покинула клинику 08.07.26 в 22:40. Найдена не была. Дело передано в архив нераскрытых.

Вот так: сухо, протокольно, канцелярски. Ни слова о заплатах, ни слова о песне, ни слова о глазах, горевших красным во сне.

Но между строк — там, где не пишут отчёты — остался несгораемый осадок истины, которую Галина унесла с собой в ту ночь, когда вышла из палаты и не вернулась.

Маскарад — это броня.

А броня — это клетка, если никогда её не снимать.

Глава 3: Политика

Эпизод — Десятая ночь, подземное хранилище

I

В подземном хранилище пахло временем — не пылью, не плесенью, а чем-то более древним. Остывшим воздухом веков, который не тревожил ни ветер, ни дыхание живых. Сер-

гей Львович стоял у дубового стола, и масляная лампа — единственный источник света — вырезала его лицо из темноты резкими, беспощадными штрихами.

Галина смотрела на его руки. Тонкие, бледные, с неестественно длинными пальцами — руки человека, который никогда не работал физически, но перелистал тысячи страниц. Когда он разворачивал карту, пергамент зашуршал, как осенняя листва, и Галина вдруг вспомнила — не памятью, а чем-то более глубоким, костным — как пахнет земля после первого заморозка. Она не знала, откуда пришло это воспоминание. Может быть, оно принадлежало не ей. Может быть, кровь, которую она выпила три ночи назад, хранила чужие осени.

Смотри, — сказал Сергей Львович, и голос его звучал как треск сухой коры. — Видишь эту зону?

Он ткнул пальцем в Садовое кольцо, и Галина заметила, что ноготь у него был не розовым, а мутно-серым, как у утопленника, пролежавшего в воде неделю. Она поймала себя на том, что рассматривает детали, которые раньше не замечала. Смерть была не состоянием, а медленным процессом, и её тело всё ещё привыкало к новой географии.

Это территория вентру, — продолжал он. — Старая аристократия. Они владеют ресторанами, ночными клубами и половиной городской думы. Сюда нельзя ходить без приглашения. Смертельно нельзя.

Галина перевела взгляд на карту.

Чертёж был старше неё. Может быть, старше самой Москвы — или той Москвы, которую она знала. Киноварь и охра, нанесённые от руки, прочерчивали кварталы, переулки, подземные ходы, станции метро — но линии не слушались географии живых. Они подчинялись иной логике: логике крови, территории, права собственности, простирающегося вглубь, под фундаменты, в катакомбы, которых нет ни на одном официальном плане города.

Тремеры, — сказала она вслух, проводя пальцем по юго-западному сектору. — Наш клан.

Сергей Львович кивнул, и в этом кивке было что-то от учителя, который проверяет, выучил ли ученик урок. Но Галина не была ученицей. Она была чем-то иным — ножом, который ещё не знал, по чьей руке ему точиться.

Университеты, библиотеки, научные институты, — перечислил он. — Знание. Мы владеем знанием. В Камарилье каждый клан получил свою долю, когда заключался Пакт, и тремеры выбрали информацию. В те времена это казалось разумным. Информация была силой, но силой медленной. Никто не предполагал, что мир ускорится так, что знание станет устаревать быстрее, чем его добудут.

Он улыбнулся — одними губами, без участия глаз.

Теперь мы владеем архивами, которые никто не читает. Библиотеками, в которые никто не приходит. Мы знаем имена всех вампиров, живших в Москве за последние триста лет, — но не знаем, кто контролирует ночные клубы на Тверской. Ирония, не находишь?

Галина не ответила. Она рассматривала карту, пытаясь уловить закономерность, скрытый узор, который ускользал от поверхностного взгляда.

Носферату — фиолетовые пятна, расплзшиеся по подвалам и линиям метро, как плесень. Они держали подземный мир: каждый коллектор, каждый технический этаж, каждую забытую бомбоубежище. Сергей Львович говорил, что носферату знают каждую крысу в городе. Галина подозревала, что это не метафора. Они действительно знали каждую крысу, знали её путь, её нору, её смерть. Они были городом под городом — невидимые, вездесущие, помнящие, когда последний раз текло по этим трубам что-то более тёплое, чем вода.

Бруха — ярко-алые пятна, разбросанные хаотично, как брызги крови. Клубы, протестные движения, молодёжные центры, типографии. Они печатали листовки, которые никто не читал, организовывали акции, которые ни к чему не приводили, и считали себя революционерами. Сергей Львович называл их детьми, которым дали спички. Галина чувствовала в его голосе странную смесь презрения и зависти.

А кто не поделил? — спросила она.

Вопрос повис в воздухе, как запах озона перед грозой.

Сергей Львович вздохнул. Это был не человеческий вздох — в его лёгких не было воздуха, который нужно выпускать. Это был жест, перенятый у живых, привычка, от которой не избавиться, как от старого тика.

Тот, кто не играет по правилам. Анархи.

Он помолчал, и в тишине Галина услышала, как где-то далеко, этажами выше, капает вода. Размеренно, как метроном. Кап. Кап. Кап.

Они считают, что Маскарад устарел. Что мы должны выйти из тени и править открыто. Что три тысячи лет тайного существования — это трусость, а не мудрость.

Он снова помолчал. Глаза его смотрели сквозь Галину, куда-то в стену, за которой, возможно, видели другую стену, а за ней — ещё одну, бесконечный ряд стен, уходящих в прошлое.

Они храбрые, — сказал он наконец. — И мёртвые. Почти все. Остальные прячутся в подвалах и ждут, пока Камарилья их найдёт.

II

Три дня назад. Ночь шестая.

Галина стояла на крыше высотного здания на юго-западе Москвы. Ветер был холодным и влажным, пахло приближающимся снегом и выхлопными газами — смесь, которую она всё ещё не научилась ненавидеть, хотя другие вампиры жаловались, что запахи города забивают всё остальное.

Она смотрела на огни. Москва с высоты была похожа на рассыпанные угли — тлеющие, живые, готовые вспыхнуть. Где-то там, внизу, люди запирали двери, смотрели телевизор, ссорились, мирились, любили, умирали. Не знали, что над ними, в темноте, кто-то смотрит.

Рядом стоял Алексей, бруха. Она встретила его в клубе, куда Сергей Львович запретил ей ходить. Может быть, поэтому она и пошла. Или потому, что ей нужно было понять, кто такие бруха, на своём опыте, а не из манускриптов.

Алексей был молод — моложе её по возрасту обращения, лет двадцать пять, с резкими чертами лица и глазами, которые не могли усидеть на месте. Он курил — настоящие сигареты — хотя вампирам это было вредно. Вкус пепла и никотина оставался на языке, мешал чувствовать кровь, притуплял охоту. Но Алексей курил с таким вызовом, будто сам факт курения был политическим заявлением.

Ты думаешь, твой Сергей Львович тебе всю правду рассказывает? — спросил он, выпуская дым в небо. Дым смешался с паром от его дыхания — или тем, что осталось от дыхания.

Он мой сир, — ответила Галина. — Он обязан меня учить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.